

A person carrying a child on their shoulders, standing on a rocky cliff overlooking the ocean under a full moon.

**ИЗ
ОСАЖ-
ДЕННОГО
ДЕСЯТИ-
ЛЕТΙΑ**

**АННА
ДОЛГАРЕВА**

Анна Долгарева

ИЗ ОСАЖДЁННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

*Книга посвящается Алексею Журавлёву,
капитану артиллерии
Вооружённых Сил Новороссии.
1988–2015. К.И.А.*

**Алькор Паблшерс
Москва
2015**

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Эта книга посвящается моему любимому человеку, капитану Вооружённых сил Новороссии Алексею Журавлёву.

Он был математиком и артиллеристом. Пошёл воевать за идею, не имея никакого боевого опыта. Худой, высокий и с футболкой на голове, потому что было жарко. Его взяли вычислителем. Это такой человек, который рассчитывает траекторию полёта снаряда. Когда в августе 2014 года украинские войска почти взяли Луганск, Лёшка не дал им этого сделать.

Потом он дослужился до командира батареи, получил звание капитана и очень этим гордился.

Я тоже очень им горжусь.

У нас была сложная история. Летом 2013 года он поймал уставшую меня, заставил лечь поспать часа на три, а сам лёг рядом и любовался. А потом пытался сделать так, чтобы я никуда не делась. Я боялась, потому что не могла поверить, что этот удивительный, ироничный, заботливый и невозможно красивый мужчина может мной интересоваться. И я сбежала в Петербург, о котором давно мечтала.

Он приехал меня провожать. Из другого города. Мы поцеловались, я почему-то смутилась и убежала.

А он пропал. Удалился из всех соцсетей, пропал с каналов связи, и никто не знал, что с ним. Только почти через год я получила веселую СМС: «Привет, дорогая! Я тут воюю за Новороссию, а что ты сделала для приближения Третьей мировой?»

Вскоре мы признались друг другу в любви. Одновременно. Очень смешно.

Когда-нибудь я напишу об этом много, а пока не могу.

Мы очень любили друг друга.

– Я давно не воспринимала всерьёз концепцию вечной любви, – как-то сказала я.

– Я в неё и вообще никогда не верил. А вот наш случай выбивает меня из этой картины мира. Я не знаю, как должна выглядеть вечная любовь, но мне она видится как смесь рационального, эмоционального и иррационально-безумного, – ответил он.

Друг у друга мы были одни такие. Половинки. Я рада, что мы успели сказать об этом друг другу.

Потому что счастливы мы были очень недолго. Он трагически погиб за два месяца до своего двадцатисемилетия. Именно в этот день он мог взять отпуск и приехать ко мне.

Он обещал любить меня вечно. Я тоже обещала. Я не знаю, какое у нас будет посмертие, но мы там будем вдвоём. Любовь всегда сильнее смерти.

Эта книга нужна, чтобы его помнили.

Я могла бы на каждом стихотворении написать посвящение ему, но пишу только на самых важных.

Он очень хотел прожить жизнь ярко и достойно, как персонаж хорошей книги.

Помните его, пожалуйста.

Помните нас.

Анна Долгарева

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКТОРА

Дорогой читатель!

Не знаю, откуда в твоих руках взялась эта книга... Кстати, ничего, что я на «ты»? Всё-таки речь в ней пойдёт об очень личном, а такой разговор не подразумевает большой дистанции.

Так вот: не знаю, откуда эта книга в твоих руках, но это – книга стихов.

И в ней говорится о трёх самых страшных и важных вещах на свете: о смерти, войне и любви. Я ставлю их именно в таком порядке, потому что смерть происходит со всеми, война – со многими, а настоящая любовь достаётся совсем не каждому.

Есть такие счастливцы, которые встретились вовремя, полюбили от всего сердца, жили долго и счастливо и умерли в один день – наверное, где-то они существуют, не только в сказках и индийском кино. Однако чаще бывает иначе.

Встретились – наспех. Полюбили – но, не зная ещё, что такое настоящая, истинная любовь, не сразу смогли угадать её в себе и другом. А «долго и счастливо» перечеркнули война и смерть.

Сейчас, когда «Из осаждённого десятилетия» уходит в печать, в стране по имени Украина идёт большая гражданская война. Хотя те, кто эту войну развязал, предпочитают называть её то анти-террористической операцией, то защитой от внешней агрессии.

Однако же, как ни называй то, что там происходит, смысл один: на территории большой, красивой и любимой мною страны каждый день гибнут люди.

Главный герой этой книги, Алексей Журавлёв, выбрал в этой войне свою сторону и нашёл на этой войне свою смерть.

В самом конце, в рассказе «Лис Господень», мальчик Тим изыскал способ вернуть мир в свою сказку и на свою землю; для этого оказывается

достаточным принести в жертву самое дорогое. К сожалению, правда нашего с тобой, читатель, бытия такова, что молоху войны не хватит любой жертвы. Это пламя, если его не потушить, сожрёт любого.

И опалит оставшихся в живых.

И оставшиеся в живых будут жить так:

«Тяжелее всего – по утрам за плечи
вытаскивать себя изо сна в смерть,
напоминая: дальше не будет легче...»

Дорогой читатель! Позволь предложить тебе любопытное упражнение. Вспомни лицо самого любимого своего человека. Подумай о том, сколько всего вам хочется сделать вместе. Возьми лист бумаги. Напиши список из десяти таких вещей. Возьми пепельницу или глубокую тарелку. Положи туда этот список. Возьми зажигалку или коробок спичек. Добудь огонь. Поднеси огонь к краю листа бумаги. Смотри, как ваше будущее сгорает в этом огне.

В стихах Анны Долгарёвой очень много огня. На страницах бушуют стихии: огонь, вода, земля, воздух. Часто им тесно в рамках классического стиха: рвётся ритм, на ходу меняется схема рифмовки; «в осаждённом десятилетии, где падает чёрный снег», должно быть, нельзя иначе.

Это стихи о боли, об одиночестве, о тоске. Конечно, есть и надежда – на то, что смерти нет, что где-то за гранью дует «светлый ветер», есть небо, и в этом небе «радуг коромысла». Надежда на то, что там, за порогом, не кончено ничего, никто не убит, и где-то вскипает лунный путь, и кто-то клянётся, что не было казни...

Но как быть тем, кто остался?

«я целую его, говорю:

забери, мол, меня сейчас,

а он говорит: подожди пока.»

Дорогой читатель! Если когда-нибудь тебя спросят, как ты относишься к войнам; если

когда-нибудь тебе предложат войну начать; если когда-нибудь кто-то скажет тебе, что нужно пойти и убить, — вспомни о том, что тебе случится прочитать дальше.

Вспомни Алексея Журавлёва. Ты не знаешь его, дорогой читатель? Так ведь и я не знаю.

Я знаю только, что он был очень рыжим. И очень смелым. И знаю, что он был хорошим человеком, — о плохих вспоминают иначе.

И ещё я знаю, что в нашем с тобой мире его больше не будет.

Так что лучше бы твоей войне оказаться по-настоящему справедливой.

Станислав Барышников

ЕЩЕ ОДНО ПРЕДИСЛОВИЕ

С Лемерт мы познакомились в дремучем 2011 году на почве холивара, что не помешало мне немедленно влюбиться в ее стихи, правда, я еще почти ничего в них не понимала и даже иногда завидую той себе.

То, что и о чем пишет Аня, ни черта не ровно, ни черта не идеально и ни черта не круто. Потому что ровные и легкие пути – для слабаков; идеалов не существует, а «круто» – мерило явно не для поэзии.

Это мой нейрорептистик, когда я перестаю понимать, что происходит. Это не свет – это капелька силы для того, чтобы чиркнуть чем-то обо что-то и добыть свет. Это ни разу не волшебство – волшебство не бывает вечным, как и «любые, никогда не долгие чудеса». Это не панацея, скорее это нож в ногу, чтобы перекрыть одной болью боль другую и идти вперед, стиснув зубы и повторяя «я смогу это. Обязательно».

Когда у тебя умирает близкий. Когда другой близкий смертельно болен. Когда ты не видишь особой разницы между тем, броситься ли в реку или пойти на работу.

Тогда ты читаешь Лемерт. Запоем, передозировкой, глотаешь эти иглы и огонь, эту священную боль, это абсолютное по-ни-ма-ни-е.

И, знаешь, когда перманентно хреново, так же перманентно не до поэзии вообще. А тебе никто не обещал ни поэзию, ни что «все будет хорошо». Я даже не могу тебе обещать, что ты дочитаешь эту книгу до конца: от передозировки честности в мире, построенном на лжи (даже если ты сам не лжешь, но ото лжи страдаешь) бывает так же, как если бы жителя Земли поместили на Марс и заставили там дышать. Но я могу тебе обещать, даже гарантировать, что в безвыходной ситуации – любой – ты услышишь голос:

«...но, послушай,

я буду говорить тебе о надежде.»

Возможно, это будут другие строки.
Но это будут строки Лемерт.

P.S. Если бы я могла загадать одно желание насчет своих стихов, то – чтобы мои стихи так же могли понимать людей, как это делают стихи Лемерт.

P.P.S. А еще ее стихи о жизни. Я не была знакома с Лёшей. Прочитав книгу, я осознала, что он и мой старый добрый знакомый и, право, он жив. Он явно живее многих «живых мертвецов»...

P.P.P.S. ...и, мне кажется, это отличительная черта всего настоящего круга Лемерт, включая меня.

P.P.P.P.S. Мне не кажется.

*Стефания Данилова,
поэт, член Союза Писателей России,
триумф-лауреат премии «Послушайте!»
им. В. Хлебникова*

**ВНУ-
ТРЕН-
НЯ
АТЛАН-
ТИДА**

* * *

У нас в крови – привычка умирать
за Родину,
за Сталина,
за Путина –
как скажут.
Нам не нужно выбирать.
Нам лишь помыться, выходя на рать,
и к черту всё, что чересчур запутано.
У нас в крови – привычка умирать.

У нас в крови – привычка уходить
от злых сомнений и от долгих проводов.
На кухне спорить, и ругать, и пить,
забрать у норн свою живую нить
и перегрызть, как оголённый провод.
У нас в крови – привычка уходить.

У нас в крови зараза ещё та,
неизлечимая, как ни пытайся.
И непроглядно злая нищета,
и равнодушие жёлтого листа.
Мы вырем и оставим мир китайцам –
у нас в крови зараза ещё та.

Но можно – сомневаться, презирать
и не смиряться с ролью «кушать подано».
Но – время.
И закроется тетрадь.
И мы уходим завтра и вчера
за чёрт-те что,
за Сталина,
за Родину.
...У нас в крови – привычка умирать.

Так остаёшься один, затерянный где-то
между песков и солнечности огня.

Брат мой,
вокруг меня происходит лето.
Лето вокруг меня.

Так остаёшься – до глаз закованный в латы,
твёрдый и неподвижный, как сталагмит.

Вот я стою на улице с автоматом:
это – война.
Война как способ любить.

Брат мой,
мы были из тех, кто всегда играет,
тех, кто даже сквозь ад проходит легко.
Только волчата ведают путь до рая –
прямо, налево, в небесное молоко.

Брат мой,
мне кажется, мы с тобой доигрались,
мы говорили – пускай после нас потоп,
что-то уже позади – переход, кризалис,
ливни и
что потом? –
ничего потом.

Брат мой, в самых отчаянных мясорубках
выживут те, кто идёт по жизни смеясь,
было бы пиво,
кофе,
хорошая трубка –
брат мой, такими были и ты, и я.

Брат мой, когда выгорают вечные дети?
Где, на каком моменте перестают
вечно швыряться деньгами, бродить по свету,
просто устают?

Брат,
нас просеяло через такое сито,
тех, кем мы были раньше – и не зови.
Брат мой, не верь, не бойся и не проси,
да
это отлично подходит
и для любви.

Брат мой, послушай: мы были ветром и мёдом,
солнце над трассой и у дороги пыль.

Рыжая девочка приникает к гранатомёту,
вскакивает в бронированный автомобиль.

Бьёт по глазам отчаянный белый свет.
Доброй дороги.
Привет.

* * *

Лето кончается – это значит, что будут идти дожди,
смывая пыль, и листву, и всё, что случилось прежде,
размывая дороги сзади и впереди,
отдаваясь болью глухой в костях и груди,
но послушай меня, мой свет, послушай, не уходи:
я буду говорить тебе о надежде.

Вокруг нас рассыпается всё, размывается свет и
звук
(возьмите меня на руки! согрейте меня, утешьте!),
всё, за что хватаешься – оно уходит из рук,
но послушай меня, мой свет: держи спасательный
круг,
я буду говорить с тобой о надежде –

на дорогу в лесу, что пахнет соснами и смолой,
на рассвет над новой землёй,
ангела с бензопилой,

на то, что всё это вокруг – устанет ржаветь,
мертветь,
на то, что небо перестанет дождём реветь,
из руин и воды поднимется твердь,

и цветы её будут под солнцем
светиться и розоветь.

Если пройти по этой улице в таком же солнечном
сентябре,
если присесть на нагретом камне,
будет так же солнце светиться в каплях смолы на коре,
город обнимет морщинистыми руками.

Есть простые вещи, актуальные в каждом из дней:
осенью вода и воздух становятся холодней,
не оставляй открытой форточку, не стой на ветру,
и –
я буду любить тебя, пока не умру.

Раскрываешь себя, как ладонь, протягиваешь – держи.
Гром ворочается над степью, как старый волк.
Ты сидишь над огромной пропастью,
затерянная во ржи.
Если кто с тобой говорил, то давно умолк.

Эта осень жмёт на тебе в плечах,
сдавливает в груди,
это не с кем говорить – молчат и ангелы, и демоны,
и валькирии,
Внутренняя Монголия заключает последнее перемирие
с внутренней Атлантидой;
не стой в дверях – проходи.

Этот город, приросший, казалось, к коже – не отодрать,
вдруг становится в одночасье чужеклеточным,
раковым,
роковым.
Отворяет грязные дворы,
осенние канавы,
глубокие рвы.
Не возвращайся в знакомую комнату, не ложись
в кровать,
вино прокисло твое, хлеба у тебя черствы.

Мы, что не знаем имени для того, что у нас внутри,
что не даёт покоя, гонит вперёд, горит,
мы, не знающие родины, –
мы никогда не умрём.
Я ловлю чужих детей над пропастью – день за днём,
заходящее солнце светится янтарём.
Так иди, раскрывая себя ладонью, протягивай –
ветренным сентябрём,
и однажды прилипшая осень лопнет у тебя на плечах –
оставайся наг.

* * *

*человек человеку – мир.
только лучше гляди, только лучше пойми,
человек человеку – мир,
голубые реки, расходящиеся мосты,
ливнями заплаканные дороги, золотые костры,
шёпот трав и ночные взгляды зверей,
роза на пустыре.*

Раз, два, три, четыре и пять,
не гляди мне в глаза, не ходи со мною гулять,
если каждый из нас – это огромный мир,
то, наверное, мой – не пережил войны.
Ядерные грибы, пустые окна квартир,
выжженные кварталы среди тишины.

Раз, два, три и четыре,
нечего делать в постъядерном мире,
нечего бродить в паутине полночных трасс,
нечего искать цветы и зверей,
здесь большая пустыня, оранжев её окрас,
ядовита её земля, уходи скорей.

Раз, говорю тебе, два и три,
уйди, ни слова не говори,
тут сухие реки, оборванные провода,
только черви ворочаются под землей.
Глубоко в колодцах – отравленная вода,
здесь сама земля вызывает тебя на бой.

Раз,
повторяю: раз (слышишь?), два и три.
Вот он, мир, что живёт у меня внутри,
раз, говорю тебе, два,
северный ветер съедает мои слова,
человек человеку – мир,
только мой превратился в небо и облака,
есть ли в нём – живая вода и запах цветка?

Выжженное поле, перекрестье полночных трасс.
Гром гремит над степью – первый его раскат.
Я, закрыв глаза, повторяю в последний: «раз».

Ты идёшь искать.

* * *

Это случается, когда с неба
начинают падать мёртвые птицы,
асфальт начинает трескаться, газом сочиться,
ломаются дома,
поднимается тьма всё выше и выше,
вот тогда-то становится видно, как они сидят высоко на крыше
полуразрушенного дома
и пьют из термоса чай,
и рядом, горящая, как свеча,
падает птица.

Слушай, – говорит она, –
а ведь с нами ничего не случится?
Ну, – говорит, – ведь с нами ничего и не может?
Он гладит её по холодной и влажной коже,
говорит: ничего.
Ничего, ничего.
Горизонт ударяет волной лучевой.
Правда, – говорит она, – мы так и будем: последние дети
на этом потерявшемся свете?
Правда, даже когда закончатся все,
мы будем сидеть на крыше, в этой световой полосе,
и все будет хорошо,
пока не кончится чай?

Оседают пепел у неё на плечах.

А она совсем не плачет,
глядит незряче,
четырнадцатая осень стала такой горячей,
и она на него всё косится, и взгляд у нее щенячий.

Он говорит ей: не бойся и не скучай,
вот сейчас мы допьём этот тёплый чай,
а потом – дорога в огне расступится, и мы с тобою
пойдём,
за калиновый мост, за серебряный водоём,
за далёкие звёзды, что посверкивают глазастро –
прямо в небесное царство.